

Презентация

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич — д. филос. наук, профессор, заведующий сектором социально-экологических исследований ИС РАН
oleg.yanitsky@yandex.ru

Фрагмент из книги О.Н. Яницкого¹, аналитика далеко не ординарного, затрагивает остро дискуссионные проблемы так называемого среднего, часто именуемого креативным, класса и интеллигенции в современном российском обществе. Автор, будучи сам потомственным интеллигентом, доказательно аргументирует, что рассуждения об исчезновении интеллигенции в нынешней России не выдерживают критики. Читателю журнала «Власть» есть над чем задуматься.
В. Ядов, член-корреспондент РАН

Fragment from the book of not ordinary analyst O.N. Yanitsky affects debatable issues of so-called middle class, often referred as creative, and of intelligentsia in contemporary Russian society. The author, who is a hereditary intellectual himself, convincingly argues that the reasoning about disappearance of intelligentsia in today Russia is not tenable. Readers of the «Power» magazine will find some ideas to think about.

V. Yadov, member-correspondent of the RSA

Ключевые слова:

Россия, общество, политика, средний класс, креативный класс, интеллигенция; Russia, society, politics, middle class, creative class, intelligentsia.

«НОВЫЙ СРЕДНИЙ КЛАСС» – ЭТО КТО?

Считается, что этот класс, молодой и креативный, является главным коллективным актором новой волны социальных движений, которые выдвинули политические требования. Но выдвинутые им требования «честных выборов» — это требования в рамках существующей нелегитимной политической системы.

За прошедшие 20 лет этот «третий сектор» вновь накопил существенный профессиональный и социальный капитал, включая навыки самоорганизации и выстраивания социальных технологий для достижения своих целей. Точнее, это та часть «нового среднего класса», которая занята именно в НКО и малом бизнесе, хотя их цели во многом различны. Однако общее все же перевешивает. Это, во-первых, желание работать на общее благо или, по крайней мере, помнить, что часть их прибыли или возросшего социального престижа должна работать на общество, а не только на свой карман. Во-вторых, это люди, которые умеют выживать в трудных условиях риска, дефицита ресурсов, сложных (чтобы не сказать обремененных противоречиями) отношений с государством и его силовыми структурами. В-третьих, сама каждодневная практика этих организаций и их лидеров учит их коммуникации в разных социальных, политических и культурных средах. Они не являются политиками в современном смысле слова, т.е. членами так называемых системных политических партий. Но они, несомненно, являются политиками ближайшего будущего, когда изменится сам смысл политики. Когда из указующей и надзирающей она превратится в политику переговоров, компромиссов и участия граждан в управлении собственными делами.

В-четвертых, труд членов самых разных организаций «третьего сектора» по своему характеру является междисциплинарным и межсекторальным. Я не устаю повторять эту простую формулу, потому что, несмотря на ее кажущуюся простоту, за нею стоят весьма специфические знания и опыт, которые добываются не только каждодневной практикой, но и рефлексией по поводу реакции их контрагентов на их действия. Эти знания и опыт добываются только в результате публичного взаимодействия с самыми разными людьми и культурами. Сам характер их деятельности делает их лидеров публичными фигурами, а от этого уже один шаг до профессиональной публичной политики. Еще раз повторю: в наш век секретных переговоров, силовых действий и прямого насилия люди, умеющие договариваться и тем самым разрешать конфликты, являются особо ценными.

Эти навыки не приходят сразу. Сначала приходится учиться договариваться с властями предрержащими, т.е. играть по их правилам, какими бы несправедливыми они ни были. Но постепенно усиливая давление (здесь массовость акции протеста играет ключевую роль), эти люди вынуждают власти прислушиваться к голосу «снизу», а потом и учитывать

¹ Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. — М. : Новый хронограф, 2013, 360 с. Серия «Российское общество. Современные исследования».

их требования. Если меня бы спросили, кто является социальной базой политических реформ, я ответил бы, не колеблясь: именно эти самостоятельные и самоотверженные лидеры «третьего сектора».

Интеллигенция умерла?

Креативный класс или не креативный, а что же интеллигенция — исчезла совсем с политической арены? «Самым сильным ударом по будущему России, — пишет Л. Шевцова, — стал конец российской интеллигенции... Функция интеллигенции в России — как морального эталона и оппонента самодержавия — оказалась истощенной <...> российские интеллектуалы потеряли себя. Большинство из них так и не рискнуло стать антиподом новой персоналистской власти»¹.

Начать с того, что власть моральная не может быть «антиподом» власти реальной. Что интеллигенция и интеллектуалы — не одно и то же. И «функция» русской интеллигенции никогда не сводилась к роли «антипода самодержавия», как, впрочем, и «думающего меньшинства». Наконец, разве «между» самодержавной властью и этим меньшинством не было думающих людей вообще? Далее Шевцова пишет: «Очередная ирония: до сих пор мы выживаем благодаря СССР». Но разве это «благодаря» не означает: благодаря уму и таланту советской интеллигенции?

Шевцова называет «Кущевку», «Сагру», «Кадырова», «Булгарю», «прокурорские казино» и др. ключевыми маркерами процесса упадка. Но разве «Солдатские матери», «Матери Беслана», «Город без наркотиков», Байкальский и Химкинский синдромы не свидетельствуют о том, что российская интеллигенция существует и действует? И это только то, что просочилось в СМИ. А сколько ученых, педагогов, учителей, врачей, инженеров имеют полное право называть себя интеллигентами! Или г-же Шевцовой милее разделение россиян на «думающее меньшинство» и «бездумное большинство»?

Мне же, потому что членов «Народной воли», эсеров, каторжников Шлис-

сельбурга, да и самому еще в юности хлебнувшему немало от сталинского режима («дело врачей») и его последышей, хорошо известно, что реально значит быть «антиподом» любой формы самодержавия.

А теперь — по порядку. Во-первых, роль русской интеллигенции никогда не сводилась к политическим целям. В массе своей это были, прежде всего, просветители и служилые люди, пекущиеся о благе народа. Да и в конце XIX в., и в XX в. был огромный слой служилой интеллигенции, начиная от членов земского движения и до тех, кто восстанавливал русскую культуру после трех разорительных войн и сталинского террора. Известно ли г-же Шевцовой, что выжившие после ссылки и каторги члены «Народной воли» шли работать в советские учреждения врачами, учителями, статистиками? Служилая интеллигенция, на которой держалась и держится вся система науки, образования, здравоохранения и просвещения, и «интеллигенция, служащая самовластию» — не одно и то же.

Во-вторых, о «думающем меньшинстве». В той же статье Л. Шевцова признает, «что мы... так и не вышли за пределы чисто критической функции, которая без проектного мышления оказывается всего лишь способом выхода пара». О каких проектах идет речь? Политических проектов-то была масса, но кто их должен был выполнять? Кто бы захотел взять на себя эту непосильную ношу? 20 лет назад я как раз был в среде подобных проектантов, но все их проекты были не более чем «нормативными» упражнениями. Все писали о засилье административно-командной системы, но не было ни одного проекта, который показал бы, как ее сломать и кто это будет делать! Как известно, «гладко было на бумаге...».

В-третьих, «думающее меньшинство» было и будет всегда, но оно практически действенно при двух условиях: когда это единое «меньшинство» и когда его политический или социальный проект будет поддержан тем думающим, но доселе молчаливым большинством, о котором г-жа Шевцова предпочитает не упоминать. Я уже говорил, что в теории социальных движений существует такой важный термин, как *constituency*, т.е. социальная база поддержки проекта перемен.

В-четвертых, мир изменился. Разве серия переворотов и революций, прокатившаяся по Северной Африке, была

¹ Шевцова Л. Россия: логика упадка // Новая газета, 2011, № 101, 102.

² См., напр.: Мельникова В., Швол Н. За жизнь и свободу. Выступления и документы II Международного конгресса солдатских матерей. — М.: Союз комитетов солдатских матерей России, 2000.

задумана и спроектирована «думающим меньшинством» этих столь разных стран? Или она была спроектирована какими-то спецслужбами извне? Или это был прорвавшийся гнойник покорности огромного большинства «думающих-по-другому»? И на какой политической платформе «думающее меньшинство» (если оно там действительно было) должно будет соединиться со столь пестрым по типу хозяйственного уклада, религии, образа жизни и т.п. большинством?

В-пятых, русская интеллигенция всегда была создателем и носителем какой-то идеологии: западничества, славянофильства, конституционной монархии, социалистической, коммунистической и т.д. Я намеренно ставлю их в один ряд, потому что без приверженности какой-то идеологической доктрине русская интеллигенция не могла бы называться таковой. Пока у властей предрезающих с идеологией дело обстоит из рук вон плохо.

А что теперь, когда политические партии, эти носители идеологии, фактически отмирают? Когда СМИ правят миром? Когда ООН и другие наднациональные структуры фактически утеряли как свой моральный авторитет, так и силу принуждения? Когда мир управляется несколькими десятками гигантских транснациональных корпораций? И одновременно он пронизан информационными сетями, где в конкурирующих сетевых сообществах варится Бог знает какая идеологическая каша? Когда нормы морали все чаще детерминируются экологическими и техногенными катастрофами? Когда, наконец, евро-атлантическая цивилизация пронизана и умеренным, и радикальным исламом? Какую позицию должна занять не только русская интеллигенция, но интеллигенция мира вообще?

Мировой капитализм, включая российский, очевидно, переживает глубокий кризис, и, по моему мнению, грядет конец жизни в кредит и потребительской идеологии вообще. Если мы не хотим (не способны) ограничить себя сами, то среда нашей жизни заставит нас сделать это. Не пора ли подумать о стабилизирующей (но отнюдь не нивелирующей) роли глобальных сетей «разумного меньшинства» в этом качающемся мире, где волны протеста накатываются одна за другой?

Предварительные итоги

То, что происходило в течение последних

20 лет и в т.ч. в течение последнего полугодия, подтверждает концепцию регрессивной цикличности российского общества¹. То есть, наличия малых и больших циклов. А именно: рывка демократизации/модернизации, медленного и болезненного отката — и снова рывка.

Мягкий авторитаризм, опирающийся на ресурсную экономику, — основа стабильности политической системы. Исторически то, произошло в последнее время, — это откат к изоляционизму и культурной архаике. Но не к временам сталинизма, а еще дальше — к временам конца XIX в. Отличие в том, что если сталинизм форсировал индустриализацию как залог независимости СССР, то сегодня мы увеличиваем свою зависимость от мира по всем направлениям.

Более того, мы находимся в планетарной ловушке: по сути, социальная стабильность в обществе поддерживается за счет экономической нестабильности, основой которой является непредсказуемость рынка углеводородов. Следующая волна нестабильности, скорее всего, будет связана со вступлением России в ВТО.

Экономический кризис, как правило, ведет к укреплению национального государства и его политических институтов. Изоляционизм, больший или меньший, рассматривается государствами и/или их национальными анклавами как средство избежать и/или преодолеть кризис (Греция, Великобритания, Фландрия, Каталония, Россия).

Несколько выводов социально-политического характера. Данный политический кризис выявил глубокое размежевание в российском обществе: между богатыми и бедными, центром и периферией, экономически и социально активной частью населения и «бюджетниками», «ТВ-народом» и «сетевым сообществом». Обобщая, это можно квалифицировать как противостояние меньшинства модернизаторов и большинства консерваторов, охранителей. Костяк первого — это либеральная интеллигенция, профессура, ученые, студенты, нарождающийся средний класс. Костяк второго — это ВПК, нефтегазовый и агропромышленный комплексы, армия². Мотивы у богатых и бедных консерваторов

¹ Ахиезер А.С. Труды. — М. : Новый хронограф, 2006.

² Юргенс И. Мы проиграли охранителям // The New Times, 2012, March 03, p. 13.

могут быть разными, но в моменты кризисов они объединяются по принципу наименьшего риска («не было бы хуже!»). С этой точки зрения понятие «властной вертикали» не соответствует действительности. Скорее, мы имеем дело с социальной пирамидой, всецело зависимой от тандема власти — собственности.

Разделение общества на «обывателей» и социально активных методологически ошибочно: в зависимости от социально-политического контекста они переходят друг в друга. Искейп, уход из поля социальной коммуникации в себя, наконец, молчание — это не «обывательщина», а способ сохранения своего внутреннего мира, способ сохранения себя как личности в катастрофических обстоятельствах¹. Противопоставление властвующей элиты и толпы, массы, интеллигенции и народа, «активных» и «обывателей» лишь усиливает идеологию нетерпимости в обществе и тем самым разрушает его культуру.

Акции массового протеста создали сети гражданских лидеров. Но для изменения политической системы такой сети недостаточно — нужна сеть профессиональных политиков. Или, что, с моей точки зрения, то же самое, нужна новая политическая элита. В эти сети гражданского протеста не вошли лидеры и активисты большинства существующих социальных движений (экологического, женского, благотворительного, краеведения, сохранения памятников природы и культуры). Общественная палата как квазигражданская организация также устранилась от политической борьбы. Эти факты подтверждают мой тезис о различии социальных движений и некоммерческих организаций и их сетей. НКО тоже живут по принципу «не было бы хуже».

В тонком слое интеллигенции также произошло размежевание: на все сокращающийся слой демократически ориентированного меньшинства и на охранительно ориентированное большинство, по сути превратившееся в часть сервис-класса. Это размежевание усиливается с появлением на публичной арене когорты молодой рыночно ориентированной «образованщины» (А. Солженицын), смотрящей в рот мэтрам политически ангажированной части интеллигенции.

Теперь — о современности. За последние 20 лет в России произошли существенные изменения, которые пока очень мало изучаются нашими социологами. И главное из них — формирование сетевого гражданского общества, причем не просто виртуального, но вполне заземленного в сотнях точек локальных конфликтов. Тусоваться в сетях — одно дело, а использовать сеть как инструмент самоорганизации и демократизации — совсем другое. С таким обществом вынуждена считаться наша «суверенная демократия». Это стало очевидным после лесных и торфяных пожаров 2010 г., когда сетевая мобилизация ответственных и равнодушных (называя их добровольцами, или волонтерами, власть, как всегда, старается уйти от морально-этических дефиниций) спасла не одну тысячу жизней. Поскольку капитализм стал глобальным, у граждан нет иного способа защищать свои интересы, как стать частью глобальной сети.

На Западе над этой трансформацией социальные науки уже напряженно работают почти 10 лет². Но у нас — тишина. За 20 лет по проблеме социальных движений в России вышло не более десятка работ. Частично потому, что эта проблематика официально не признана, ее нет, например, в паспорте специальности 02.00.04 «Социальные структуры и процессы» очень редко читаются спецкурсы по этой теме. Не было соответствующих секций и в программах съездов российских социологов. Но суть, конечно, не в этом, а именно в том, что наши социологи и политологи, как демократы, так и консерваторы, не считают нужным изучать, как демократия «произрастает снизу» (аналог *grassroots*), невзирая ни на какие «вертикали».

После думских и президентских выборов российский общество находится на новой развилке: реформы или контрреформы? Однако, думаю, инерционность нынешней политической системы столь высока, что резких перемен ожидать не стоит. Так или иначе, это тоже предмет для обсуждения.

Расширенный вариант фрагмента книги О.Н. Яницкого смотрите на сайте журнала.

¹ Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация: беда, вина или ресурс человечества? — М. : УРСС, 1999.

² Global Civil Society Yearbook / M. Kaldor, H. Anheier, M. Glasius, eds. — Oxford : Oxford University Press, 2003.